

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ!

По долгу службы, как начальнику гарнизона, мне часто приходилось бывать на КП Юго-Восточного фронта. Он размещался в штольне, оборудованной в обрыве левого берега реки Царицы. После решения вопросов чисто гарнизонных я непременно просил ознакомить меня с оперативной обстановкой на фронте. На этот раз она оказалась неутешительной. В 7 часов утра 17 августа 4-я танковая армия немцев перешла в наступление. Несмотря на исключительную стойкость наших войск гитлеровцам удалось прорвать оборону и развить успех. Создалась угроза выхода их к Волге южнее Красноармейска. Враг наступал и вдоль железной дороги от станции Абганерово на Красноармейск. Это направление приковало внимание объединенного командования фронтов. Сюда были брошены резервы. В то же время западнее Калача немецкое командование сосредоточило крупную группировку войск (до трех танковых, двух моторизованных и четырех–шести пехотных дивизий)¹. Можно было ожидать продолжения наступательных действий крупных группировок противника с юга и запада на южную окраину и центр Сталинграда. Поэтому и 10-я дивизия войск НКВД оставалась развернутой тремя полками на юго-западных подступах к городу. Более того, сложившаяся обстановка заставила нас искать дополнительные силы для усиления обороны города. Вечером 22 августа командирам частей и подразделений были поставлены боевые задачи. Во все полки дивизии были направлены старшие командиры штаба. Одновременно приказ на оборону штаб оформил документом следующего содержания:

¹ Опер, директива штаба Ю.-Вост. фронта от 11.8.42 г. Архив МО СССР, оп. 220, д. № 5, с. 7–8.

«Боевое распоряжение»

22.8.42

23.00

г. Сталинград.

Около 80 танков и мотопехота противника прорвались и вышли в район Комм. им. Горького, отм. 84,5 (6260). отм. 111,4 (6058). Возможен прорыв танков к южной окраине Сталинграда.

Начальник гарнизона приказал:

1. Командиру 282-го сп – занять оборону резервом полка в составе одного сб: (иск.) Опытная станция, выс.145.8, западнее опушки леса с отм. 147.5.
 2. Командиру 272-го полка резервом полка в составе одного сб оборонять район (иск.) выс. 145.8, (иск.) отм.144.9, Садовая.
 3. Командиру 271-го сп резервом в составе четырех рот оборонять район: отм. 144,9, ж. д. мост, раз.
 4. Танковой роте 21-го ОУТБ и танковой роте 28-го ОУТБ сосредоточиться в лесу юго-зап. раз. в готовности контратаковать в направлениях: 1) отм. 144.9, Песчанка; 2) Ельшанка, свх. Горная Поляна.
 5. Военно-политическому училищу быть в готовности выступить в район отм. 71,8, Садовая, кирп. для обороны во втором эшелоне.
 6. 73-му ОБЕПО – в районе ст. Садовая в готовности к действиям в направлениях Воропоново и Бекетовка.
 7. 269-му сп – мой резерв – быть в готовности к выполнению дополнительных задач.
- Подразделения частей в указанные районы вывести к 5.00 23.8. Готовность обороны – 8.00 25.8.42.
8. КП –основной –Гоголя.6, запасной – радиостанция штадива.
 9. Донесения присылать: о выступлении в оборонительный район, о прибытии в район, в последующем через каждые три часа».

Таким образом, основное внимание по-прежнему уделялось обороне юго-западных и западных подступов к Сталинграду. Но дальнейший ход событий заставил изменить это решение.

...Воскресный день 23 августа выдался солнечным, безветренным. Был выходной. Но об отдыхе никто не думал. Все взрослое население города трудилось на предприятиях и строительстве оборонительных сооружений. Этого требовала обстановка. Как всегда, работал и штаб гарнизона. Уже были получены и обобщены сведения боевых донесений командиров частей о занятии подразделениями районов обороны согласно боевому распоряжению и о ходе инженерных работ. Часть офицеров штаба убыла в полки для осуществления контроля. Все шло по плану. И вдруг случилось непредвиденное...

В тот день на рассвете меня вызвал к телефону командующий фронтом генерал-полковник Еременко. Справившись об обстановке в городе, он дал ряд указаний по текущей работе. Но около 12.00 он снова вызвал и распорядился:

– Немцы прорвали наш фронт у Вертячего и развивают наступление на северо-западную окраину Сталинграда. Танки противника в районе ст. Котлубань. Надо прикрыть по городскому обводу укреплений «Г» северо-западную часть города от возможного прорыва противника, сохраняя оборону юго-западной и западной окраин Сталинграда.

Повторив боевую задачу, я попросил разрешения использовать для обороны города военно-политическое училище и сводный отряд морской пехоты Волжской военной флотилии. Разрешение было получено. Кроме того, нам подчинили 724-й полк 315-й стрелковой дивизии для обороны участка северо-западнее завода «Баррикады».

Как в тот день развивались события на фронте северо-западнее Сталинграда, нам стало известно гораздо позже. Из распоряжения же А. И. Еременко было ясно, что случилось

неожиданное: возникла прямая угроза захвата противником города с ходу. А произошло это таким образом.

Главной задачей своего замысла по захвату Сталинграда немецко-фашистское командование ставило окружение и уничтожение войск Красной Армии, обороняющихся западнее города. С этой целью противник наносил два главных удара: силами 4-й танковой армии – на Красноармейск и южнее и 6-й армии – севернее Сталинграда с последующим соединением ударных группировок непосредственно в городе.

О том, как развивались события южнее и юго-западнее Сталинграда, уже говорилось выше. Теперь вкратце о действиях 6-й немецкой армии. Осуществляя общий замысел командования, генерал-полковник Паулюс к 19 августа скрытно сосредоточил 8-й, 51-й армейские и 14-й танковый корпуса в малой излучине Дона. Гитлеровцам удалось сравнительно легко форсировать Дон и захватить плацдарм в районе Нижне-Гниловской, Вертячий, Песковатка. К исходу дня 22 августа плацдарм был расширен до 45 километров по фронту и 4–6–в глубину, что позволило врагу незаметно переправить через реку и подготовить к последующим действиям около семи дивизий, 250–300 танков и несколько артиллерийских и минометных частей.

В течение последних суток гитлеровцы вели разведку, а на рассвете 23 августа, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, перешли в наступление в общем направлении Вертячий, Бородин, Кузьмичи, Винновка. Вскоре оборона наших войск была прорвана. Не встречая серьезного сопротивления, 14-й танковый корпус устремился к Волге. Над городом нависла смертельная опасность.

Итак, перед частями Сталинградского гарнизона встала ответственная и очень сложная задача. Наличными силами нужно было не допустить прорыва гитлеровских войск в Сталинград и активной обороной выиграть время для перегруппировки сил и средств фронта.

Для обороны города из состава гарнизона можно было использовать: четыре полка 10-й дивизии войск НКВД (270-й полк по-прежнему нес службу по охране тыла фронта); 724-й сп 315-й стрелковой дивизии, временно подчиненный начальнику гарнизона; два батальона (около 800 курсантов) Сталинградского военно-политического училища; 32-й сводный отряд морской пехоты Волжской военной флотилии (220 человек); 73-й отдельный Краснознаменный бронепоезд войск НКВД; сводные батальоны 249-го конвойного полка войск НКВД и 91-го железнодорожного полка; истребительные батальоны НКВД; сводный батальон 178-го сп НКВД по охране промышленных предприятий; отряды народного ополчения. Всего мы имели 29–30 батальонов, насчитывающих около 15–16 тысяч человек. А фронт, который нужно было оборонять, растянулся почти на 40 километров. Таким образом, сил для прочной обороны Сталинграда было явно недостаточно. К тому же части гарнизона совершенно не имели артиллерии и противотанковых средств. Тем не менее они были полны решимости сразиться с врагом и выполнить поставленную задачу. Мы также знали, что рабочие и все взрослое население Сталинграда встанут на защиту родного города.

Ранее уже говорилось о том, что основные силы 10-й дивизии войск НКВД заняли оборону западнее и юго-западнее Сталинграда, прикрыв эти направления от внезапного прорыва врага в город. Снять полки с участков обороны и перебросить их на северную окраину города мы не имели права, так как не знали замыслов противника и его главного удара. Гитлеровцы могли появиться с любого направления. Поэтому принятое накануне решение оставалось в силе. Чем же тогда прикрыть Сталинград с севера и северо-запада?

Из войсковых частей в северной части города находились: 21-й и 28-й отдельные учебные танковые батальоны при СТЗ численностью около 2500 человек переменного и постоянного состава и около 25 учебно-боевых танков Т-34, сводный батальон 249-го конвойного полка войск НКВД и ремонтно-восстановительный батальон тракторного завода. Безусловно, этих сил для обороны десятикилометрового фронта от Волги до Орловки было слишком мало. Таким образом, северная окраина города была практически открыта. Рассчитывать же на то, что туда можно в короткий срок перебросить некоторые части гарнизона, было бы непрости-тельной ошибкой. Транспорта мы не имели, а чтобы пешим строем преодолеть расстояние в 35–40 километров, потребуются сутки.

Следует отдать должное оперативности в работе штаба дивизии и лично его начальника подполковника Зайцева. В короткий срок были произведены необходимые расчеты и выработаны предложения для принятия решения. Их я и взял за основу. Сущность решения заключалась в следующем: оборону северной части города организовать силами и средствами имеющегося там контингента, используя всех, кого можно поставить в строй. В последующем перебросить туда 282-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД, сводный отряд морской пехоты Волжской военной флотилии и сводный батальон 249-го конвойного полка.

Приняв это, пожалуй, единственно возможное в той обстановке решение, мы начали проводить его в жизнь. Части гарнизона были подняты по тревоге и получили боевые задачи: 282-й сп форсированным маршем выходил в район СТЗ для занятия обороны по южному берегу балки Мокрая Мечетка; сводный батальон 249-го полка должен был занять оборону на высотах южнее Орловки; 269-й полк выдвигался на новый участок обороны между высотой юго-западнее Орловки и разъездом Разгуляевка; военно-политическое училище переходило к обороне на рубеже разъезд Разгуляевка – выс. 153,7; 272-му полку поручалось оборонять высоту 147,8, Опытную станцию, СТФ а 271-му - Верхнюю Ельшанку и Купоросное.

После доведения боевых задач до частей гарнизона и организации контроля за их исполнением подполковник Зайцев выехал на северную окраину города для организации обороны. С ним ушли офицер штаба дивизии капитан И. П. Старовойтов и группа бойцов в количестве 35 человек. Отправился в полки и весь политсостав во главе с полковым комиссаром Кузнецовым для оказания помощи по организации партийно-политической работы. В частях состоялись митинги. Представители политотделов передали личному составу дивизии приказ Военного совета фронта: любой ценой остановить врага, отстоять Сталинград. Ни шагу назад! Стоять насмерть!

Незадолго до этих событий в центральных газетах было опубликовано стихотворение Константина Симонова. Оно начиналось словами: «Если дорог тебе твой дом...» И оттого, что смысл стихотворения был так созвучен военной обстановке тех дней, большинство бойцов и командиров знало его наизусть. На митинге личного состава 269-го полка выступил политрук 4-й стрелковой роты младший политрук П. П. Перетокин. Он гневно говорил о зверствах немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной советской земле, о смертельной опасности, нависшей над Сталинградом, потом стал читать стихотворение. Болью в сердцах воинов отозвались призывные строфы:

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать.
Все, что Родиной мы зовем, –
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил.
Ты молчи о своей любви.
Край, где рос ты, и дом, где жил.
Своей Родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед,–
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.

В стихотворении Симонов настолько умело выразил подлинную причастность душ и сердец воинов к судьбе советских людей, к судьбе любимой Родины, что, слушая призывные строфы, бойцы и командиры не могли сдержать слез. Это к ним обращался поэт.

Выступления, в которых звучали гневные слова стихотворения, были на всех митингах частей и подразделений дивизии. У воинов они воспитывали ненависть к фашистским захватчикам, посягнувшим на свободу и независимость советских людей, звали на подвиги. Хорошо выразил патриотические чувства и мысли защитников Сталинграда пулеметчик 272-го полка Чагин. В своем выступлении он сказал:

– Над нашим родным городом нависла серьезная опасность. Впереди нас – враг, позади – Волга. Отступать некуда. Не допустим же фашистских мерзавцев к великой русской реке.

Эти крылатые слова облетели все окопы и блиндажи, о них впоследствии напоминали в своих беседах агитаторы, их воспроизводили в боевых листовках и листовках-«молниях».

Тем временем я приступил к передаче по телефону распоряжений по заводам о приведении в боевую готовность истребительных батальонов и отрядов самообороны.

Первым ответил тракторный. Сообщив обстановку на фронте, я стал выяснять возможности предприятия по организации обороны завода и подступов к нему. Состоялся такой разговор:

– Надо организовать непосредственную оборону завода до подхода 282-го полка и отряда моряков. Сколько можете выставить бойцов и чем вооружите?

– Нам уже передано распоряжение секретаря обкома ВКП(б) товарища Чуянова – поднять на оборону все, что можем. Немедленно выставим отряд численностью 200 человек. Позднее увеличим до 400. Вооружили винтовками, гранатами и двадцатью танковыми пулеметами.

– Займите отрядом оборону непосредственно у завода по балке Мокрая Мечетка. Левее вашего отряда займут оборону 21-й и 28-й учебные танковые батальоны. Правее, к Волге, поставьте строительную роту. Очень хорошо, если поставите в оборону отремонтированные танки, вкопав их. Кто принял распоряжение?

– Нарком танковой промышленности Малышев. Будут и танки. Приступаем к выполнению...

В спешке я предварительно не спросил, кто говорит со мной по телефону. И мне было крайне неудобно за приказной тон разговора с народным комиссаром. Извинившись, я подумал: какой простотой, скромностью и постоянной готовностью к действию в любой обстановке обладает наша старая большевистская гвардия, подавая нам пример служения Родине!

Отдав распоряжения заводам «Баррикады» и «Красный Октябрь» о выделении отрядов самообороны и о высылке истребительных батальонов для обороны северной окраины города, я был уверен, что часа через полтора-два на заранее подготовленном оборонительном рубеже вдоль балки Мокрая Мечетка встанут в оборону до трех тысяч бойцов со значительным количеством танковых пулеметов и 30–40 танками. К тому же Мокрая Мечетка от Волги и почти до Орловки представляла глубокий овраг с крутыми берегами и являлась труднодоступной преградой для танков врага. Все это давало надежду, что разведывательные и передовые части противника будут задержаны до подхода наших войск.

Через некоторое время стали поступать донесения.

Первым меня попросил к телефону командир 269-го стрелкового полка подполковник Капранов и доложил, что разведка достигла участка обороны. Со стороны Орловки доносятся артиллерийские выстрелы. Он тут же начал высказывать предположения, но раздался страшной силы грохот. Тряхнуло землю, со звоном вылетели стекла, с потолка посыпалась штукатурка. Потом снова взрыв. Какая-то неведомая сила вырвала оконную раму, швырнула на пол телефонный аппарат. Связь оборвалась.

Грохот все нарастал, как бы вжимая в землю. Гул моторов, раздирающий скрежет и свист бомб и сотрясающие взрывы заполнили все пространство. Воздушные стервятники шли непрерывной волной, эшелон за эшелон. Словно на параде. Они обрушивали на город тысячи фугасных и зажигательных бомб. Начались пожары. И снова что-то тяжело ухнуло и раскололось. На этот раз вблизи от штаба. Больно отозвалось в ушах. Треснул и обвалился потолок, на части раскололась печь. Все потонуло в облаках пыли и дыма...

На северном участке

На подступах к северной окраине Сталинграда события развивались с невероятной быстротой. Они опережали доклады командиров об обстановке. Что происходило на пути движения 14-го танкового корпуса немцев, в штабах узнавали с большим опозданием. Колонна вражеских танков, не встречая серьезного сопротивления на пути к Волге, спешила отрезать город с севера и с ходу ворваться на его окраину. К 11.00 23.8 гитлеровцы достигли танкового полигона у Орловки. В это время маршевая рота 21-го отдельного учебного танкового батальона отработывала там упражнения боевых стрельб. На исходном рубеже у машин выстроились экипажи. Звучит команда, и они занимают места в танках, готовые ринуться вперед. Перед ними мишенное поле, покрытое серой пожухлой травой и сизыми пятнами сухой полыни, широкой полосой уходит к буграм и там, вдали, растворяется в зыбком мареве. Где-то впереди, в тщательно замаскированных опорных пунктах, прячутся мишени. Их надо отыскать и поразить.

Руководитель стрельб капитан Д. Г. Григорьев должен был дать сигнал к движению вперед. Но он медлит. На холмах справа, словно из-под земли, появились корбочки. Они лавиной напозлали на лощину, сотрясая землю гулом сотен моторов. Горизонт заволокло пылью и отработанными газами. Сомнений не было, двигалась лавина вражеских танков. По команде Григорьева тридцатьчетверки изменили направление и открыли огонь по реальным целям. Сразу вспыхнуло несколько вражеских машин. Противник заметался, попятился. А экипажи продолжали стрельбу. Уже горело около 10 машин. Тогда гитлеровцы повернули влево, в обход полигона. Вероятно, приняли его за опорный пункт и решили обойти. Но и там вражеские танки были встречены огнем. На пути встала 5-я батарея 1077-го зенитно-артиллерийского полка (зенап) корпуса ПВО. Более двух часов длился неравный бой. Четыре орудия против 200 с лишним бронированных чудовищ!

Смяв 5-ю батарею, вражеская колонна разделилась на две: одна продолжала рваться к реке, и ей удалось у Латошинки выйти к Волге, другая двигалась к тракторному. Путь к СТЗ преградил противотанковый ров. Произошла заминка. Но короткая остановка дорого обошлась врагу. Огнем только одной 6-й батареи 1077-го зенап было уничтожено 18 танков.

Трудно переоценить доблесть и мужество зенитчиков. Это они, в основном, не допустили прорыва немецких захватчиков на северную окраину Сталинграда в тот день.

Но победа досталась им дорогой ценой, пала большая часть личного состава полка. Перед своими позициями зенитчики подбили и сожгли до 70 танков, много бронетранспортеров и автомашин. А ведь большинство артиллерийских зенитных расчетов составляли девушки – комсомолки Сталинграда!

Как только стало известно о бое на полигоне, 21-й и 28-й отдельные учебные танковые батальоны были подняты по тревоге и распоряжением подполковника Зайцева поставлены в оборону на правом берегу Мокрой Мечетки. Одновременно, по распоряжению городского комитета обороны, сюда направлялись подразделения народного ополчения и истребительные батальоны заводов тракторного, «Баррикады» и «Красный Октябрь», а также Дзержинского, Ерманского, Ворошиловского и частично Кировского районов. Об этом я узнал из донесения начальника штаба дивизии.

А вот что рассказал впоследствии капитан П. И. Старовойтов:

– Когда наша группа прибыла к Сухой Мечетке, подполковник Зайцев приказал мне обеспечить оборону мостов. Сам же вернулся к тракторному заводу для организации обороны. Через некоторое время в полутора километрах от СТЗ противник выбросил десант. Моя группа в составе 35 бойцов, не ослабляя внимания на охране мостов, вступила в неравный бой. Потом подошли вооруженные рабочие. Вражеский десант был рассеян и уничтожен.

В 17 часов 40 минут был поднят по тревоге истребительный батальон тракторного завода в составе 200 человек под командованием майора милиции К. А. Костюченко, комиссара батальона коммуниста И. Я. Мельникова и начальника штаба Б. Б. Панченко. Ротами командовали рабочие И. А. Симаков и К. Д. Блюмкин.

Батальон в основном состоял из рабочих и служащих тракторного завода. Многие бонны никогда не участвовали в боях. Это были комсомольцы, бывшие «семи тысячники» – строители СТЗ. В первых рядах находились: секретарь райкома ВЛКСМ Лидия Пластикова, члены бюро райкома комсомола Николай Тимошенко, Леонид Супорницкий, Борис Фомин, активистки комсомолки Шура Варламова, Таня Никина. Рядом с ними шли рабочие завода, коммунисты, ветераны гражданской войны и участники обороны Царицына И. А. Москалев, П. Ф. Тупиков, В. Д. Зайцев, П. А. Макаров и другие. Два поколения советских людей, отцы и дети, плечом к плечу встали на защиту родного города. Седые ветераны и безусые комсомольцы одинаково горели ненавистью к врагу. Они шли защищать родной завод, воздвигнутый их руками.

Получив винтовки, 20 танковых пулеметов, 1500 гранат, батальон немедленно выступил и занял указанную ему подполковником Зайцевым позицию по балке Мокрая Мечетка непосредственно у стен завода. По распоряжению директора завода был спешно закончен ремонт нескольких танков. Они прямо с завода пошли в бой и первыми встретили огнем своих пушек прорвавшиеся к каменному мосту через балку Мокрая Мечетка танки противника, не допустив их выхода к заводу.

С наступлением темноты 32-й сводный отряд морской пехоты Волжской военной флотилии перебрасывался по реке на север для обороны Спартановки. По решению командующего Волжской флотилией отряд поддерживался канонерской лодкой «Усыскин». Начальнику областного управления милиции майору милиции Н. В. Бирюкову, в ведении которого находились истребительные батальоны, было указано на возможность, в зависимости от обстановки, введения этих батальонов в действие для обороны заводского района. Бронепоезд № 73 отправлялся на ст. Гумрак с задачей охраны линии железной дороги Гумрак–Котлубань.

Таким образом, в результате принятых мер оборона города приняла более организованный характер и проходила по заранее подготовленному рубежу внутреннего оборонительного обвода «С» и городского обвода укреплений от Спартановки до Купоросного. В резерв начальника гарнизона был выведен один батальон 272-го полка, который сосредоточился в районе Мамаева кургана. Полки имели вторые эшелоны или резервы. Оборона была рассчитана на парирование неожиданных прорывов немцев. Ее слабостью являлась чрезмерная растянутость фронта, отсутствие поддержки артиллерии и недостаточная насыщенность противотанковыми средствами.

...Когда обвалился потолок, все, кто был на КП дивизии, перешли в подвал. Начальник связи майор Г. М. Владимиров быстро наладил телефонную связь с КП фронта и заводами. Нам сообщили, что основной удар с воздуха фашисты нанесли по жилым кварталам центра города, рабочим поселкам, пристаням и железной дороге. Из заводов бомбежке в этот день подвергся только «Красный Октябрь». Очевидно, враг надеялся с ходу захватить северную часть города, поэтому решил сохранить для себя заводы СТЗ и «Баррикады».

В центре города не было войск и военных объектов. Были женщины, старики, дети.

Лето в Сталинграде стояло сухое и жаркое. Центр города и рабочие поселки имели очень много деревянных зданий. Зажигательные бомбы легко воспламеняли их. Город вспыхнул сразу, и уже в первые часы бомбежки представлял море огня. Горели дома, рушились здания, заваливая улицы. Огромными факелами полыхали нефтехранилища. Нефть горела даже на воде Волги. От перегрева воздуха поднялся сильный ветер. Он перебрасывал огонь с улицы на улицу. Целые кварталы города превращались в руины и пепел. Сотни безвинных людей гибли от бомб и под обломками зданий. Женщины и дети в ужасе металась по улицам, ища друг друга. Резкий, воющий звук падающих бомб, непрерывный грохот разрывов, свист летящих осколков, треск рушащихся зданий, жар огня, – все это представляло кромешный ад. Фашистские изверги авиационным ударом хотели парализовать управление городом, создать в нем панику, подавить волю людей к сопротивлению.

Но враг жестоко просчитался. Не панику, нет! Священную ненависть породили фашисты своей зверской бомбардировкой. По немецким стервятникам били все 500 орудий корпуса ПВО. Истребители 102-й авиадивизии ПВО делали по 8 вылетов в день, встречая бомбар-

дировщики противника в воздухе. Почти 90 немецких самолетов было сбито в тот день. Тысячи сталинградцев, организованных в подразделения МПВО, поднялись на крыши зданий для борьбы с зажигательными бомбами. Добровольные комсомольские пожарные и санитарные дружины шли на улицы для тушения пожаров. Они же спасали раненых и заживо погребенных в развалинах людей.

Массированный налет вражеской авиации на город к вечеру закончился, а взрывы бомб замедленного действия продолжали уносить человеческие жизни. Дом № 6 по улице Гоголя оказался разрушенным. Командный пункт пришлось переместить на запасный. По указанию начальника штаба дивизии его оборудовали заранее и подвели телефонную связь. ЗКП размещался на левом берегу реки Царицы между Волгой и Астраханским мостом. Там же находилась дивизионная радиостанция для связи с Москвой.

Перемещаясь на новый командный пункт, мы увидели последствия варварского удара фашистских стервятников по центру города. Хорошо знакомые кварталы невозможно было узнать. Вместо домов и улиц – сплошное нагромождение битого кирпича и искореженного железа. Уцелевшие здания продолжали гореть и рушиться. При подходе к Пионерскому садку мы с начальником связи дивизии майором Г. М. Владимировым на несколько минут задержались у полуразрушенного дома. Прямо над нами свисали скрученные металлические балки третьего этажа здания, а два нижних с торцевой части были вырваны, искрошены и разбросаны по всему двору. Из-под крошева торчали изжеванные деревца. Дом смотрел на нас печальными пустыми глазницами оконных проемов. Посредине здания вместо балкона зияла рваная дыра, через которую виднелась опрокинутая детская кроватка. Белая простынка с темными пятнами свисала вниз, раскачиваясь на ветру. Дом напротив, двухэтажный и крепкий, стоял тоже слепым, а стены его были иссечены осколками и покрыты трещинами, как лицо переболевшего оспой старика. Среди развалин сновали сандружинницы, оказывая помощь пострадавшим.

Наступил вечер. На Заволжье навалились сумерки, а в городе было светло, как днем. Меня вызвали на КП фронта. Выслушав доклад об обстановке и принятых мерах по обороне города, генерал-полковник Еременко сказал:

– Военный совет фронта назначил вас комендантом укрепленного района Сталинграда. Северный участок обороны по балке Мокрая Мечетка от Волги до Орловки будут оборонять 99-я танковая бригада, учебные танковые батальоны, сводный отряд Волжской военной флотилии и истребительные батальоны. Начальник боевого участка – генерал-майор Фекленко. Выход туда 282-го стрелкового полка отменить. Пройдите к начальнику штаба. Сейчас мы примем решение и отдадим приказ на оборону вашей дивизии и частей гарнизона.

Такое решение командующего фронтом нас не устраивало. Дело в том, что части дивизии и гарнизона уже занимали участки обороны, продолжая их совершенствовать в инженерном отношении. После уточнения на местности возможны были незначительные изменения в расстановке сил. Сделать это несложно, сохраняя готовность частей к отражению врага. При новом же решении неизбежна сложная перегруппировка сил и средств, которая приведет к потере времени и ослаблению обороны. Таким положением мог воспользоваться противник и без особых усилий ворваться в город.

Эти соображения заставили просить генерал-полковника Еременко разрешить мне самому принять решение на оборону дивизии и частей гарнизона и представить его на утверждение. Свою просьбу я мотивировал хорошим знанием местности и боевых возможностей частей. На помощь мне пришел присутствовавший при докладе начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А. М. Василевский. Он посоветовал:

– Андрей Иванович, а в самом деле, полковник знает местность лучше нас. Пусть примет решение, а мы посмотрим.

Получив согласие, я тут же, на КП, оформил карту-решение и написал проект боевого приказа. Документы сдал в штаб фронта для доклада командующему. Его приказ поступил на рассвете 24 августа. Рубежи и участки обороны частей оставались в основном прежними, за исключением 282-го полка. Мне предписывалось организовать оборону города по непосред-

ственному обводу, при этом участок от поселка Рынок до Орловки поручался 99-й танковой бригаде, сводному отряду моряков и истребительным отрядам; оборона остальных участков от Орловки до Купоросного возлагалась на 10-ю дивизию войск НКВД.

23 августа гитлеровцам удалось прорваться к Волге и отрезать Сталинград с севера. Однако войти в город врагу не дали. Между Волгой и Доном образовался 8-10-километровый коридор с довольно сильной группировкой противника. В тот же день Ставка Главного Командования потребовала немедленно ликвидировать эту группировку и тем самым обезопасить Сталинград.

Выполняя задачу Ставки, генерал-полковник А.И. Еременко решил нанести встречные контрудары с рубежа Паньшино, Котлубань на юго-запад и из района Малая и Большая Россошка в северном направлении с целью отрезать прорвавшегося к Волге противника от главных сил 6-й армии Паулюса. В дальнейшем совместно с группой генерал-лейтенанта Штевнева (2-й и 23-й танковые корпуса), наносившей удар в направлении Орловка, Ерзовка, разгромить соединения 14-го танкового корпуса немцев.

Таким был замысел. Но осуществить его до конца не удалось из-за малочисленности сил и средств. И все-таки основная цель была достигнута. Противника вынудили повернуть свои главные силы для отражения контрударов. Этим враг лишился возможности развить успех и захватить северную часть Сталинграда с ходу.

День 24 августа геббельсовская пропаганда объявила днем решительного штурма Сталинграда. Гитлер категорически заявил: «Сталинград будет взят в течение одной недели». К утру этого дня части 16-й танковой и 3-й моторизованной дивизий немцев, уничтожив батареи 1077-го зенап, вышли к северной окраине города. Они овладели пос. Рынок, высотами 101.3, 135.4, Орловкой и нависли над СТЗ и рабочим поселком. Дальше продвинуться не смогли.

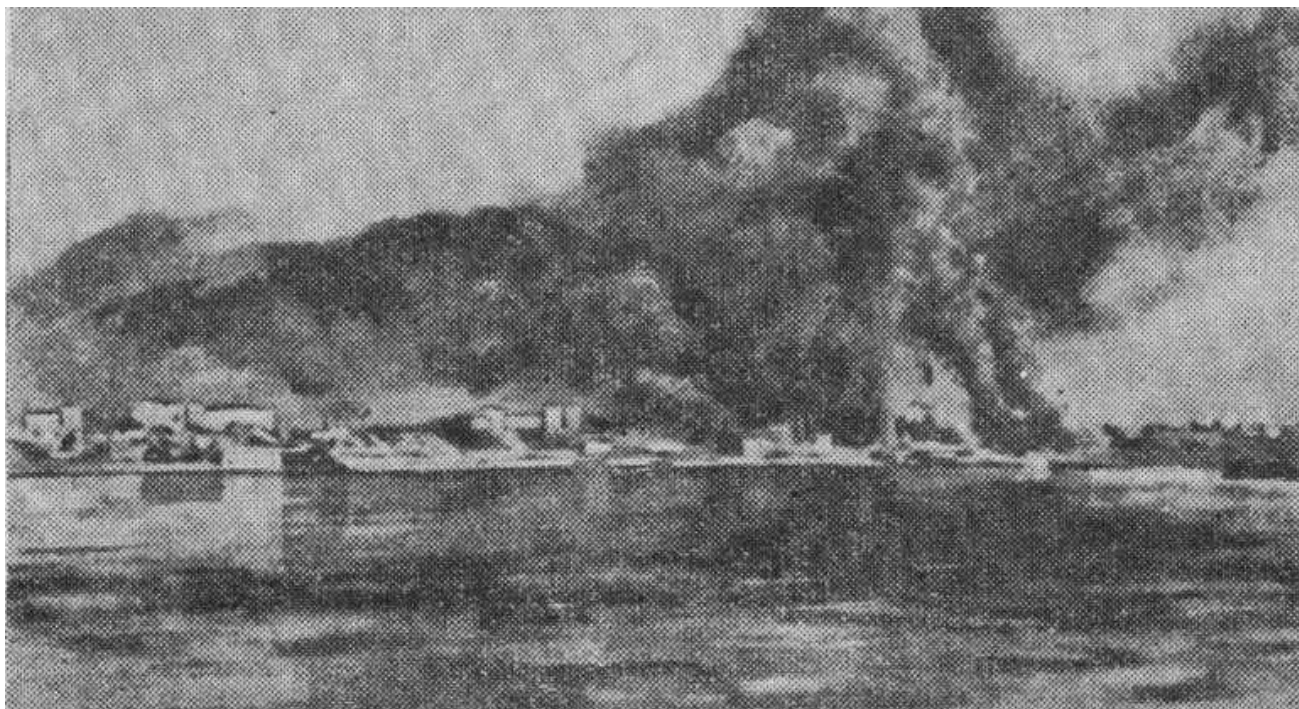
Рано утром на северную окраину города прибыл истребительный батальон завода «Красный Октябрь» в составе 100 человек. Батальон состоял целиком из коммунистов. Среди них были ветераны гражданской войны, и в их числе рабочий листопрокатного цеха Позднышев, секретарь заводского комитета ВКП(б) Сазыкин, рабочий цеха блюминг Бондарев, рабочий сортировочного цеха Жеряков и другие. Много было добровольцев, среди них первая в Советском Союзе женщина-сталевар Ольга Ковалева – член городского комитета ВКП(б). Ее бригада занимала ведущее место в мартеновском цехе. Ольгу Ковалеву знали не только на заводе и в городе. Она была известна в стране как женщина-новатор и отличный мастер трудной профессии. Батальон занял оборону в садике на берегу балки Мокрая Мечетка, левее тракторозаводцев. Прибыло 86 человек и из истребительного батальона Дзержинского района, в основном автоматчики, пулеметчики и снайперы. Их включили в состав батальона тракторозаводцев. Это несколько усилило оборону. Однако сил было недостаточно.

24 августа противник возобновил бомбардировки. На этот раз бомбил не только центр Сталинграда, но и заводские районы города. Ударам с воздуха также подвергся передний край нашей обороны в Спартановке и вдоль Мокрой Мечетки. А вскоре, под прикрытием сильного минометно-пулеметного огня, на отдельных участках обороны гитлеровцы начали яростные атаки. Целый день не затихал бой, но враг так и не добился успеха. Потеряв около 10 танков и более 300 солдат и офицеров, противник перешел к обороне. Это была первая победа рабочих и моряков у стен Сталинграда. Как и в годы гражданской войны, при защите Царицына, вечером в окопы пришли сестры, матери и жены. Мужественным воинам они принесли пищу и воду, помогли перевязать раненых и эвакуировать их в тыл.

Вечером мимо поселка Рынок вверх по Волге плыл санитарный теплоход «Композитор Бородин». Расцветенный флагами Красного Креста, он вывозил из госпиталей 700 человек раненых и часть эвакуированных женщин и детей. Пьяные гитлеровцы, в адской злобе за свои неудачи, поставили на берег Волги три танка и стали развлекаться, расстреливая советский теплоход. Судно загорелось, потеряло управление и начало погружаться в воду. Крики ужаса и мольбы о помощи, стоны раненых разнеслись над Волгой. Удалось спасти только 300 человек. Остальные погибли в волнах широкой реки.

Весть об этом изуверстве разнеслась среди защитников города. Политработники провели беседы прямо в окопах. Состоялись короткие митинги. Бойцы поклялись отомстить фашистским извергам за их злодеяния. В тот же вечер я выехал на северный участок.

С огромным трудом добрались мы на машине до заводского района. Город горел вторые сутки. От нестерпимого жара и дыма было трудно дышать. Улицы сплошь завалены обломками, не проехать. Трамвайные рельсы вывернуты из земли, торчат скрюченными спиралями. Всюду чернеют огромные воронки. Среди развалин догорающих зданий ходят группы людей, лишившихся жилища, родственников, детей. Слышны плач и стенания женщин, крики детей, стоны раненых.

После очередного налета вражеской авиации на Сталинград. Август 1942 г.

В заводском районе было темно и пусто. За Мокрой Мечеткой бухали ружейные выстрелы, трещали автоматные очереди, вверх взлетали хвостатые ракеты. Впервые в тот момент я четко ощутил близость противника.

Управление тракторного завода размещалось в обширном подвальном помещении. В одной из комнат сидела большая группа людей. Среди них я увидел народного комиссара танковой промышленности тов. Малышева и представителя Ставки Верховного Главнокомандования начальника Генерального штаба РККА генерал-полковника Василевского.

Представившись и доложив о цели своего приезда, я неожиданно был атакован директором тракторного завода тов. Задорожным:

- Что вы, военные, наделали? Куда вы пустили немцев? Нам на заводе работать надо, а по заводу немцы из минометов бьют!

- Упрек не по адресу, товарищ Задорожный. Что же касается обороны завода, она будет организована. Можете работать спокойно, противник будет отогнан от завода.

Как раз во время этого разговора в комнату буквально влетел небольшого роста человек в пиджаке, без головного убора, с очень бледным лицом и широко раскрытыми глазами. Крикнув «Немцы на площади, у завода!», он привалился к стене и словно окаменел.

Откровенно говоря, у меня не было полной уверенности в том, что немцы не проникли в город. Но уж очень тихо было, когда я подъехал к заводу. Это и внушало сомнение в правдивости известия. Я попросил разрешения лично установить истину происходящего. Как только вышел на площадь, сразу окунулся в темноту. Впереди виднелся неясный контур памятника Ф. Э. Дзержинскому, имя которого было присвоено заводу. За Мечеткой по-прежнему шла редкая перестрелка. Моя машина стояла на месте, шофер не слышал и не видел

ничего подозрительного. Но может, враг просочился за домами и деревьями сада? Обошел во круг, и везде было тихо и пустынно. Позднее узнал, что ложные известия принес директор заводского совхоза. Его угодья находились за балкой Мокрая Мечетка и к этому времени были заняты немцами. Очевидно, бежавшему оттуда директору совхоза показалось, что гитлеровцы преследуют его.

В районе обороны истребительного батальона СТЗ подполковник Зайцев сориентировал меня на местности и ввел в тактическую обстановку. Было темно и тихо, и почему-то не верилось, что вблизи находятся гитлеровцы. Потом из-за леса вынырнула луна, немного осветлело. Недалеко от нас рабочие лопатами долбили спрессованную землю. С начальником штаба дивизии мы обошли передовые позиции, ознакомились с боевыми порядками и системой огня. Все было сделано грамотно, с учетом рельефа местности. Во всем чувствовалась твердая рука Василия Ивановича Зайцева. Это он лично принял решение на оборону северной окраины города, исходя из наличия сил и средств, и по мере подхода подразделений рабочих формирований расставлял их по намеченным районам обороны.

Участок обороны от Волги до северо-восточной опушки леса западнее тракторного завода в инженерном отношении был подготовлен удовлетворительно. Позиция имела стрелковые окопы, пулеметные площадки и несколько ходов сообщения в тыл. Между окопами в капонирах стояло до 30 танков в готовности вести огонь с места. Перед передним краем и между окопами были установлены надолбы, что усиливало оборону в противотанковом отношении. Однако передний край не был прикрыт проволочными заграждениями и минными полями. Все это предстояло еще сделать. В глубине обороны, в районе цирка, располагался подвижный резерв – около 24 танков. Подвижная группа в 5–6 танков имелась и в Спартановке.

Северную окраину города обороняли: 28-й и 21-й ОУТБ, истребительные рабочие батальоны заводов и районов и 32-й сводный батальон морской пехоты. Вместо обещанной 99-й танковой бригады прибыло только ее управление в составе 12 человек без материальной части и экипажей. Таким образом, здесь оборонялось около 3 тысяч человек, вооруженных в основном стрелковым оружием.

Чтобы создать прочную оборону на фронте общей протяженностью в 6–7 километров, этих сил было явно недостаточно. Положение осложнялось еще и тем, что личный состав учебных танковых батальонов надо было освобождать для использования их по прямому назначению. В частности, переменный состав 28-го ОУТБ в августе направлялся на формирование 99-й танковой бригады, которая вскоре должна была решать самостоятельную задачу – наступать вдоль берега Волги на север. Требовалось принять все меры к усилению наших войск на северном участке, подчинить их единому командованию и готовить к наступательным действиям с целью обезопасить заводы, лишить противника возможности вести по ним прицельный огонь артиллерией и минометами.

С этим решением я выехал в город на заседание городского комитета обороны, проконтролировав предварительно, как идет выдвижение 282-го полка. Поздно вечером на заседании городского комитета обороны было принято постановление следующего содержания:

1. Намеченные мероприятия начальника гарнизона полковника тов. Сараева по обороне Тракторозаводского района утвердить.

2. Принять к сведению сообщения тов. Приходько², что 23 августа в 6 часов вечера на линию фронта было отправлено до 1200 автоматчиков-тракторозаводцев и около 60 танков. Принять к сведению сообщение, что истребительные батальоны Тракторозаводского района в 17 часов 40 минут 23 августа заняли позицию на подступах к поселку и устойчиво держат оборону.

3. Согласиться с предложением тов. Сараева о необходимости немедленного выдвижения на передовую линию фронта 282-го полка войск НКВД.

4. Отметить организованное и своевременное выполнение Тракторозаводским райкомом партии задания по строительству баррикад и линий укреплений района и созданию огневых точек, что явилось результатом вывода на работу по строительству баррикад и линий

² Приходько – секретарь Тракторозаводского райкома ВКП(б)

укреплений района свыше 2000 человек, которые смогли в течение суток выполнить задание командования.

5. Принять к сведению заявление тов. Приходько о том, что все формирования МПВО приведены в боевую готовность и выполняют задания удовлетворительно³.

После заседания городского комитета обороны я прибыл на КП фронта и доложил командующему о положении на северной окраине города, свои предложения по усилению обороны на этом участке и проведению наступательных действий с ограниченными задачами. Командующий утвердил предложения, и мы приступили к их реализации.

В ночь на 25 августа 282-й стрелковый полк занял участок обороны на северной окраине города. Политработники и агитаторы прямо в окопах провели беседы по разъяснению личного составу подразделений обстановки и боевых задач. Ночь была на исходе. Необычная, какая-то зыбкая тишина повисла над передним краем. Близился час, когда гитлеровцы снова пойдут в атаку. Бойцы готовились отразить натиск врага. Именно в те предутренние часы на южном склоне балки Мокрая Мечетка родился священный документ 10-й дивизии войск НКВД – клятва Родине и партии. В блиндаже, при свете «молнии» из снарядной гильзы, комиссар и секретарь партийного бюро полка составили ее текст и переписали на большие листы бумаги. В окопах политработники собирали бойцов небольшими группами, зачитывали текст, и каждый воин скреплял священную клятву своей подписью.

«Здесь, на подступах к Сталинграду, – гласила клятва, – как и в 1918 году, создается тяжелое положение. Подлый враг уничтожает все на своем пути, он занес кровавую лапу над славным городом, имеющим огромное военно-политическое значение для нашей страны. Но немецкие захватчики просчитаются в своих планах, это они уже испытывают на своей шкуре.

Мы, бойцы, командиры и политработники, верные героическим грациям защитников Царицына, даем клятву священной ненависти к врагу, преданности Родине и партии.

В суровый час, когда враг черной тучей навис над Сталинградом, мы клянемся беспощадно уничтожать врага, где бы он ни появился.

Мы обещаем, что в тяжелый момент мы не дрогнем перед лицом смертельной угрозы. Мы покажем стойкость, высокую дисциплину, выдержку. Мы готовы лечь костями, но не допустить врага в Сталинград.

Клянемся, что будем достойными сынами своей Родины!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША РОДИНА!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ЛЮБИМАЯ ПАРТИЯ!»

В полуразрушенной типографии тракторного завода с помощью рабочих было отпечатано около двух тысяч экземпляров текста клятвы. Ее получил каждый боец, сражавшийся на этом направлении. Коммунисты и комсомольцы хранили ее в партийных и комсомольских билетах. Сотни человек в письмах послали текст клятвы семьям, подтверждая свою готовность биться с врагом до последнего дыхания. Но отпечатанных экземпляров не хватило. Текст переписывали от руки и передавали из подразделения в подразделение. Перед первым нашим наступлением из сводного отряда Волжской военной флотилии на командный пункт полка прибыли представители.

– Дайте нам текст клятвы, мы хотим идти с нею в бой, – заявили моряки.

В штабе оказался единственный экземпляр, и морякам пришлось самим переписывать текст.

В эти дни обстановка севернее и северо-западнее Сталинграда благоприятствовала нам. Днем 24 августа и в ночь на 25 августа соединения левого крыла Сталинградского фронта вновь нанесли ряд контрударов с севера по прорвавшейся группировке противника. И хотя они не смогли ее разгромить, враг вынужден был повернуть основные силы фронтом на север. Это значительно облегчало задачу обороны северного участка города. К тому же отборные части 16-й танковой и 3-й моторизованной немецких дивизий были измотаны боями во время

³ Из сборника документов «В дни суровых испытаний». Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966, с. 176–177.

прорыва, при отражении контрударов наших войск с севера и юга и безуспешными атаками на северную окраину города. Они понесли серьезные потери и к вечеру 25 августа начали переходить к обороне по северному берегу балки Мокрая Мечетка. А к исходу дня 26 августа ширина коридора Котлубань – высота 137.2 сократилась до 4 километров. Противник вынужден был снабжать войска в районе Акатовка–Рынок по воздуху и под усиленным конвоем по суше. Прорвавшиеся к Волге немецкие части по существу оказались отрезанными и, естественно, не могли с полной силой вести наступление на северную окраину Сталинграда. Созрел выгодный момент для активных действий наших подразделений.

Исходя из наличия сил, крупных наступательных действий мы не могли предпринимать. В нашу задачу входило: путем частных боев выбить немцев из районов, непосредственно прилегающих к северной окраине города, и этим лишить противника выгодного исходного положения для наступления на город. В то же время, и это главное, мы достигли цели – обеспечить безопасность работы СТЗ.

В первую очередь требовалось выбить врага из лесопосадки на юго-западных скатах высоты 135.4. Это могли сделать 282-й стрелковый полк и отряды народного ополчения заводов тракторного и «Красный Октябрь». Затем следовало овладеть поселком Рынок, лишив противника возможности наступать вдоль берега Волги. Это мог выполнить сводный отряд моряков во взаимодействии с рабочим отрядом тракторного завода. И наконец, надо было отбить у немцев высоту 135.4, имеющую командное значение над всей местностью. Эту задачу могли решить 282-й сп и подразделения 249-го конвой-пот полка при поддержке танков 21-го ОУТБ.

Изыскивая возможности усиления нашей обороны, утром 25 августа я связался с дирекцией завода «Баррикады». Оказалось, что завод может дать 18 исправных 76 миллиметровых пушек с расчетами и достаточное количество снарядов. Так был сформирован артиллерийский дивизион. Вскоре он занял огневые позиции в районе поселка тракторного завода.

Мы готовились к наступлению. По предложению начальника штаба дивизии решили в тот же день провести разведку боем. Следовало выявить группировку врага, характер оборонительных сооружений, систему огня и наличие тактических резервов. Без этого планировать и вести наступление, даже с ограниченными целями, нельзя. Демонстрировать наступательные действия на лесопосадку должны специально назначенные подразделения 282-го стрелкового полка.

День выдался теплым, но без изнуряющей жары. Со стороны Волги тянул легкий ветерок, донося запахи и свежесть заволжских просторов. После прогорклого дыма и копоти в городе они были особенно ощутимы. Мой наблюдательный пункт располагался на третьем этаже недостроенного пятиэтажного дома, на самом берегу балки Мокрая Мечетка. За нею, метрах в пятистах, проходил рубеж обороны противника. Просматривались отдельные окопы, а глубина обороны пряталась в лесопосадке. Предстояло узнать, что там. Вместе со мной на НП находился командир артиллерийского дивизиона с наблюдателями и связистами. Чтобы лучше рассмотреть местность, я подошел к окну.

– Осторожно, товарищ полковник, по окну бьет снайпер, – предупредили наблюдатели, оттеснив меня в сторону. И тут же о внутреннюю стенку щелкнула пуля. Пришлось заложить окно кирпичами, оставив небольшую щель для наблюдения. На стороне противника было спокойно и пустынно.

Действия начались артиллерийским налетом по предполагаемому переднему краю обороны немцев. Дивизион работал довольно четко и слаженно. Даже не верилось, что история его существования началась только сегодня. Султаны разрывов покрыли всю местность перед лесопосадкой. И тут назначенные подразделения 282-го полка покинули окопы, стремительным броском преодолели балку Мокрая Мечетка. На ее северном берегу появились атакующие цепи. Они успешно продвигались вперед. Но вот из лесопосадки и с южных скатов высоты 135.4 резанули пулеметы, вверх полетели сигнальные ракеты. Наблюдатели засекали огневые точки и наблюдательные пункты гитлеровцев. Как раз то, что нам нужно. По выявленным целям прямой наводкой ударили окопанные танки. Перенес огонь артиллерийский

дивизион. В дело вступили ручные и станковые пулеметы. Создалось впечатление о наступлении целого полка. Это был первый бой, который мне довелось наблюдать, находясь в непосредственной близости. Хотелось самому покинуть НП и устремиться вперед. Но...

Только что доложил командир полка майор Грущенко: «Атака проходит успешно. Еще немного, и передовые роты достигнут лесопосадки». И тут перед цепью встала плотная стена разрывов. Огонь открыли артиллерийские и минометные батареи врага. Откровенно говоря, я даже позавидовал технике постановки противником заградительного огня. Конечно, преодолеть такую огневую завесу очень трудно, а если учесть неопытность наших бойцов, то вообще невозможно. И действительно, движение застопорилось. Справа и слева от высоты выползли вражеские танки и бронетранспортеры. Они ударили из пушек и пулеметов. Цепь смешалась, бойцы группами начали отходить к балке. Вслед за этим гребень разрывов возник внизу, перед окнами дома. Противник бил дымовыми снарядами. Вскоре балку и окопы заволокло дымом. Наш наблюдательный пункт был надолго ослеплен...

Итак, разведка достигла поставленных целей. Демонстрируя наступление, мы заставили противника раскрыть свою оборону. Враг оказался сильнее и организованнее, чем предполагали. Однако этим мы не ограничились. До конца дня батальоны продолжали атаковать противника мелкими группами. Была полностью раскрыта система огня, выявлены огневые позиции минометных батарей. Теперь можно готовить и наступление.

26 августа из личного состава 21-го ОУТБ, отремонтированных на СТЗ танков стали формировать 99-ю танковую бригаду. Она поступала в распоряжение генерал-майора Н. В. Фекленко. Ответственность за оборону семерной окраины города возложили на 10-ю дивизию войск НКВД. В тот же день приказом коменданта укрепленного района начальником северного участка обороны назначен командир 282-го полка майор М. Г. Грущенко. Кроме находившихся здесь частей, ему подчинили прибывший из резерва фронта 1186-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Истребительные отряды НКВД объединили в сводный батальон.

Было решено наступление провести одновременно на всем десятикилометровом фронте северного участка от Волги до Орловки. К действиям привлекались все наличные силы и средства. Задачи вытекали из общего замысла обезопасить работу СТЗ, о чем говорилось выше. Атаку назначили на 17 часов 35 минут 27 августа. 30-минутная артиллерийская подготовка проводилась с целью подавить огневые точки на переднем крае, артиллерийские и минометные батареи в ближайшей глубине обороны. В ней участвовала артиллерия канонерской лодки «Усыскин», артиллерийский дивизион и 30 орудий вкопанных в землю танков.

Вечерело. Небо, как и днем, оставалось безоблачным. Косые яркие лучи солнца слепили врага. Было тихо, словно все живое вымерло. Даже не верилось в то, что должно вот здесь произойти. 17 часов 05 минут. Внезапно вздрогнула земля от орудийных выстрелов. И пошло! В расположении противника взметнулось пламя, запели осколки. На основных направлениях опорные пункты врага густо покрыли разрывы снарядов. Противник не ожидал нашего наступления вечером. Поэтому когда поднялись атакующие, в его обороне началось замешательство. В отдельных районах сразу же стали отходить мелкие группы.

Лихо шли в атаку моряки. В полосатых тельняшках, с примкнутыми штыками, гранатами за поясом и развевающимися лентами бескозырок, они производили на врага ошеломляющее впечатление. Натиск «черной смерти», как окрестили моряков немцы, был настолько стремительным, что фашисты не выдержали, бросили занимаемую позицию и побежали. Но моряки настигли их, завязалась рукопашная схватка. Стук ударов, возгласы «полундра!» и предсмертные крики – все смешалось и покатило к поселку. Немногим гитлеровцам удалось спастись бегством. Большинство их осталось лежать на пути продвижения сводного отряда Волжской военной флотилии. Поселок Рынок стал свободным. Но враг не смирился. Он стал готовить контратаку с целью вернуть потерянные позиции. И тут на помощь пришла артиллерия моряков. Огнем канонерской лодки «Усыскин» было рассеяно и частично уничтожено до двух батальонов пехоты противника с 20 танками.

Одновременно с моряками поднялись в атаку истребительные батальоны заводов. Тракторозаводцы наступали па хутор Мелиоративный, краснооктябрьцы и пулеметчики 21-го ОУТБ – слева. Стремительно двинулись в атаку отряды народного ополчения.

Какая сила подняла в бой этих мирных советских людей навстречу смерти? Что заставило их подставить спую грудь под немецкие пули?

Беспредельная любовь к своей Родине, ненависть и чувство мести к врагу за все его злодеяния, высокое сознание своего долга перед Отчизной и Коммунистической партией – вот та движущая сила, которая вела в тяжкие и грозные сражения рабочие отряды, истребительные батальоны, воинов народного ополчения. Подобного гитлеровцы еще не встречали ни в одной оккупированной ими стране.

По показаниям пленных, еще накануне нашего наступления немецкие офицеры долго рассматривали в бинокли подразделения русских, занимавшие окопы у тракторного завода, и удивлялись их странной форме. В конце концов решили, что это подразделения моряков. Им еще не приходилось видеть участия мирного населения в боевых действиях. И вот стремительность атаки рабочих утвердила их в мысли, что в наступление идет «черная смерть».

Отряды тракторозаводцев атаковали противника в хуторе Мелиоративном со стороны Спартановки. Балка и овраги, проходящие здесь, способствовали скрытому их подходу к объекту атаки. Рубежа атаки бойцы ополчения достигали из балки ползком, под прикрытием огня. Вот на промежуточном рубеже по противнику открыли огонь девушки Лида Пластикова, Шура Варламова и Таня Никина, прикрывая своих товарищей. Чтобы лучше видеть цель, Таня привстала и тут же медленно опустилась на землю. Вражеская пуля угодила в плечо. «Ползи в тыл», – приказал ей командир взвода. Но раненая девушка не покинула поля боя. Перевязав козынкой рану, она продолжала вести огонь и вместе с боевыми подругами пошла в атаку.

Комсомольцы Сергей Гаврилов и Коля Тимошенко по канаве пробрались к подбитому танку и открыли огонь из его пушки и пулемета. Гитлеровцы обрушили на смельчаков сотни мин и снарядов. Вокруг танка вздыбилась земля, все заволочло дымом и пылью. Но ополченцы продолжали стрелять по огневым точкам врага.

Вот и рубеж атаки. Рывком поднялись тракторозаводцы. Первыми в атаку пошли комсомольцы Ермоленко, Талдыкин, Макаров, Родин. Стахановец механического цеха Костя Сулимов вел танк. В экипаже были его друзья по работе. Танк ринулся на вражеские окопы, но прямым попаданием снаряда пробило броню. Отважный водитель получил тяжелое ранение. За рычаги сел его товарищ. Теряя силы, Костя кричал:

– Петя!.. Осталось немного!.. Нажми!.. Еще... еще...

Тракторозаводцы ворвались на окраину хутора. Завязался рукопашный бой. Яростно дрались ополченцы. Комсомолец Макаров истребил пятерых гитлеровцев, Ермоленко – четверых, Талдыкин – двоих. Восточная окраина Мелиоративного была очищена от врага.

Батальон завода «Красный Октябрь» с ротой 21-го ОУТБ наступал по открытому полю. Когда до хутора оставалось метров 200, цепи рабочих оказались перед врагом как на ладони. Гитлеровцы открыли огонь из всех видов оружия. Первым упал раненный в грудь политрук роты Едкин, потом ранило командира взвода Павла Юшина и насмерть скосило нескольких боевых товарищей. Но краснооктябрьцы не дрогнули. В полный рост они шли вперед.

В центре боевого порядка батальона Позднышева наступало отделение помощника мастера мартена № 1 Кузьмина. В его составе была и Ольга Ковалева. Она даже не успела сменить одежду. Так и шла в атаку в своем любимом сером костюме, который надевала только по праздникам, и в яркой косынке. Вот, точно споткнувшись, упал командир отделения. Кое-кто из бойцов испугался, залег. И Ковалева оказалась ближе всех к строениям хутора, откуда противник вел плотный огонь. На чердаке крайнего дома она заметила гитлеровского автоматчика. «Надо уничтожить его», – и Ольга поползла вперед. До цели уже рукой подать. Если метнуть гранату стоя, с врагом будет покончено. Но как встать, если огонь не дает поднять головы? Автоматчик безнаказанно косит поредевшие цепи. И тогда Ковалева поднялась в рост, в

шагнула гранатой... Ольга упала лицом к врагу. Косынки слетела с головы, и ветер прошелся по волосам, словно лаская уснувшего бойца.⁴

Мстя за смерть товарищей, рванулись вперед цепи ополченцев. Немцы беспорядочно бежали к роще, что за хутором. Краснооктябрьцы заняли западную часть Мелиоративного.

282-й полк 10-й дивизии атаковал опорные пункты немцев в совхозе тракторного завода и лесопосадке. Захватив здания совхоза, подразделения ворвались на южную опушку лесопосадки. Помня о священной клятве, которую дали здесь, на северном участке битвы за Сталинград, воины полка проявили подлинный героизм. В рукопашной схватке они уничтожили засевших на подступах к высоте гитлеровцев. Трудно особо выделить отличившихся в том бою. И все же скажу о некоторых. Взвод под командованием младшего политрука Н. П. Буданова, умело используя складки местности, первым ворвался в опорный пункт врага. Смелость и находчивость бойцов взвода сопутствовали их успеху. Они уничтожили два пулемета и этим обеспечили продвижение батальона. В рукопашной схватке с гитлеровцами Буданов был ранен, но до конца боя продолжал командовать взводом.

*Младший лейтенант
Лидия Сошникова. 1943 г.*

Вместе с передовыми подразделениями шла в атаку и комсорг управления полка Лидия Сошникова. Война застала ее на третьем курсе Московского педагогического института. Не раздумывая, она добровольцем ушла на фронт. Трудно девушке на войне. Но Лидия вынесла все тяготы боев сорок первого и начала сорок второго. До того, как попасть в нашу дивизию, она была награждена медалью «За отвагу». И вот теперь Сошникова снова шла в бой, ведя за собой комсомольцев. Когда до лесопосадки оставались считанные метры, она ощутила тупой удар в грудь. Однако Лидия устояла и вместе с бойцами бросилась в атаку. Оказалось, что вражеская пуля попала в медаль и рикошетом ушла в сторону. Как дорогую реликвию берегла Сошникова эту медаль с отметиной, которая спасла ей жизнь.

Бой закончился на исходе дня. И закончился успешно. Было разгромлено до пяти батальонов гитлеровцев. Сотни трупов вражеских солдат и офицеров остались лежать в лесопосадке, на улицах хутора Мелиоративный и поселка Рынок. Десять сгоревших немецких танков насчитали наши воины. Были захвачены первые трофеи: несколько сот винтовок, автоматы, пулеметы и большое количество боеприпасов.

Но отдаваться радости первого успеха над сильным врагом мы не имели права. Хотя поставленную задачу на день подразделения и выполнили, в руках немцев все еще оставалась господствующая высота 135.4 и роща на ее северных скатах. К тому же наши ряды значительно поредели. Большие потери понес сводный отряд моряков, разгромивший в поселке Рынок до двух батальонов автоматчиков 16-й танковой дивизии врага. Десятки рабочих потеряли тракторозаводцы. У краснооктябрьцев в строю осталось меньше половины. Много героев приняла сталинградская земля и из числа воинов 282-го стрелкового полка. Убитых похоронили, раненым оказывалась помощь.

Но отдаваться радости первого успеха над сильным врагом мы не имели права. Хотя поставленную задачу на день подразделения и выполнили, в руках немцев все еще оставалась господствующая высота 135.4 и роща на ее северных скатах. К тому же наши ряды значительно поредели. Большие потери понес сводный отряд моряков, разгромивший в поселке Рынок до двух батальонов автоматчиков 16-й танковой дивизии врага. Десятки рабочих потеряли тракторозаводцы. У краснооктябрьцев в строю осталось меньше половины. Много героев приняла сталинградская земля и из числа воинов 282-го стрелкового полка. Убитых похоронили, раненым оказывалась помощь.

В зарослях белой акации па берегу Мокрой Мечетки разместился полковой медицинский пункт. Необычная тишина повисла над рощей. Было душно. В низине и на склонах пологого берега балки чернела перепаханная снарядами и минами земля. Воронки еще дымили. Враг огнем отсекал пути возможного подхода наших резервов. Снарядами разворотило блиндаж, осколками посеколо палатку. Но медики делали свое дело. Ко мне подошла военврач 2-го ранга В.М. Перфильева, начальник санитарной службы полка. Она доложила, что идет подготовка раненых к эвакуации. Около 60 бойцов уже было перевязано. Тяжелораненые лежали на носилках, «ходячие» сидели под деревьями. В с передовой продолжали поступать новые. Над ними «колдовали» врач М. Алиев и поступать военфельдшер А.А. Шилохвостов. Но вот подошли повозки и автомашины. Из числа легкораненых военфельдшер Таисия Южанина

⁴ Ольга Ковалева за проявленный героизм посмертно награждена орденом Красного Знамени.

создала отряд для погрузки «тяжелых». Отсюда их доставят в передовую хирургическую группу.

Запомнился раненный в лицо связист. Его голова была сплошь забинтована, сквозь марлю проступали темно-красные пятна. Сержант прижимал винтовку и пытался что-то сказать но разорванный осколком язык вываливался изо рта. Слышалось мычание. Тогда он написал: «Задачу выполнил. Борис Стародумов». Я поблагодарил воина за подвиг.

Начальник санслужбы 282-го полка военврач 2-го ранга В. М. Перфильева (справа). 1943 г.

нелых возглавил молодой, только что окончивший Сталинградский медицинский институт врач Б. П. Перепечаев. Он хорошо знал город, действовал энергично, что обеспечило своевременный вывод раненых бойцов из частей дивизии и эвакуацию их за Волгу. С ним самоотверженно трудились врачи М. А. Попова и С. М. Годемичер, медицинские сестры Вера Коренева, Нина Брыкова, Ольга Бойко, Виктория Шепетья и другие. Пункт размещался в подвальном помещении универсама. Передовая хирургическая группа была развернута в Красной Слободе. Имелись операционная и небольшой стационар. Врачи А. Ф. Осокина и сталинградка М. А. Фролова делали экстренные операции. Отлично трудились медицинские сестры сталинградки Рая Евсеева, Фаина Уколова, Люда Турченко, Лида Бурда. Под огнем противника они выносили раненых из лодок и барж, нуждающихся в неотложной хирургической помощи доставляли в операционную.

* * *

О том, что противник с утра перейдет в контратаку с целью вернуть потерянные позиции, знали все. Поэтому бойцы и командиры, оставшиеся в строю, сразу же приступили к закреплению достигнутого рубежа. На помощь им были направлены отряды ополчения, которые несли охранную службу в северной части города. Пришли помогать и рабочие тракторного завода, и население заводского поселка. Рыли окопы, ускоренными темпами строили дзоты, устанавливали надолбы. Часть танков переместили на новый рубеж и врыли в землю. К утру 28 августа новый рубеж обороны был готов для отражения контратак противника.

Оперативно решили вопрос и с пополнением. Рабочий отряд завода им. Сакко и Ванцетти в количестве 80 человек в ночь на 28 августа ушел на пополнение отряда моряков, батальоны тракторного завода дополнили за счет рабочих СТЗ, 282-й полк пополнение получил из райвоенкоматов и охранных рабочих отрядов.

Когда закончилось наступление и подразделения получили распоряжение на закрепление рубежей, ко мне подошел старший лейтенант П. Г. Брагоренко. Он доложил, что распоряжением штаба фронта дивизии придана 1-я рота 28-го отдельного отряда собак – истребителей

В первые дни массовых налетов вражеской авиации на Сталинград и зверских бомбардировок здание школы, где размещалась медико-санитарная рота дивизии, было разрушено. Оказывать квалифицированную хирургическую помощь раненым бойцам стало невозможно. По предложению начсандива военврача 2-го ранга А.И. Юрьева роту разделили на две части. Пункт сбора и эвакуации раненых

танков. Рота находится на северной окраине города в окопах бывшего участка обороны 282-го стрелкового полка.

Откровенно говоря, это сообщение меня озадачило. Собаки – и вдруг истребители танков. Я понятия не имел, как их применять в бою. На помощь пришел командир роты Брагоренко. Он рассказал, что собак кормят только под танками. В итоге у животных выработался рефлекс при виде танка бросаться под его днище в надежде получить пищу. Тут и срабатывала штырьковая мина, закрепленная на спине собаки. Подрывая вражеский танк, гибло безвинное животное. Это было жестоко. Но обстановка вынуждала нас жертвовать собаками ради спасения людей. При недостаточной насыщенности обороны противотанковыми средствами применение собак являлось надежным подспорьем в борьбе с танками врага. На этот раз, в порядке пробы, мы посадили в окопы у лесопосадки 16 собак с проводниками.

Августовская ночь была на исходе. Близился рассвет, самая пора утренней дремы. Но в окопах никто не спал. Ждали вылазки врага. Над позициями – тишина. Так длилось долго, до восхода солнца. Потом немую тишину, настоянную на горьком запахе полыни, разорвала канонада. Немцы обрушили ураганный огонь артиллерии и минометов по поселку Рынок и лесопосадке. Одновременно, зайдя со стороны Волги, около ста вражеских бомбардировщиков сбросили смертоносный груз на окопы нового оборонительного рубежа и вдоль Мокрой Мечетки. Тогда же бомбовый удар был нанесен по СТЗ, заводу «Баррикады» и рабочим поселкам. Благодаря принятым мерам по укрытию личного состава в окопах потери были незначительными. Серьезно пострадали рабочие поселки. Теперь они имели такой же вид, как и центр города. За свои неудачи гитлеровцы вновь мстили мирному населению.

Еще ухали взрывы и над окопами клубилась прогорклая пыль, когда враг ринулся вперед. Он наступал от Латошинки на Рынок и с высоты 135.4 на лесопосадку. Впереди шли танки. Они все ближе. Укрываясь за стальными громадинами, бежали автоматчики. И тут навстречу танкам устремились собаки. Одна, две, три... Кажется, впервые в Отечественной войне их применили в качестве истребителей танков именно здесь, на северной окраине Сталинграда. Вот одна из машин вдруг окуталась дымом и словно нырнула в пропасть. Запылал факелом второй танк. Опережая события, замечу: перед участком обороны 282-го стрелкового полка в тот день собаки подорвали 4 вражеских танка. И это не осталось незамеченным гитлеровцами. Впоследствии в прифронтовой зоне немцы перестреляли всех собак и кошек.

Итак, собаки – истребители танков в боях за город первыми открыли счет подбитым танкам врага. Вслед за их атакой огонь открыл артиллерийский дивизион. У лесопосадки перед вражеской цепью разрывы снарядов вздыбили землю. Забасили и орудия канонерской лодки «Усыскин». Потом подключились пушки зарытых в землю танков. Все происходило с головокружительной быстротой. Уже горело несколько танков противника, другие вертелись на месте с перебитыми гусеницами. Но гитлеровские автоматчики продолжали напирать. Окопы огрызнулись огнем. Одновременно по вражеским цепям резануло около 80 пулеметов, забухали винтовочные выстрелы, затрещали автоматные очереди, и все слилось в сплошной гул.

В тот день враг оттеснил сводный отряд Волжской военной флотилии и вновь захватил Рынок. А перед участком обороны 282-го полка противник успеха не имел и в беспорядке откатился к высоте. До двухсот убитых и раненых солдат и офицеров и 6 сгоревших танков оставил враг на поле боя.

Во второй половине дня мы попробовали силами 282-го полка и рабочих батальонов, усиленных танками, выбить немцев из рощи на обратных скатах высоты 135.4. Но атаки оказались неудачными и к вечеру были прекращены. Для нас роща особой ценности не представляла. Оттуда окраина города и наша оборона не просматривались. Серьезную угрозу представляла высота 135.4. Имея господствующее положение, она позволяла фланкировать нашу оборону и просматривать местность вплоть до города. Ее необходимо было взять без промедления. Взять до того, как противник создаст здесь прочную оборону.

Днем 28 августа геббельсовский радиокорментатор под собачьей кличкой «лорд Хау-Хау» сообщил: «Сталинград представляет море огня. В городе царит паника».

Но в городе был порядок. Несмотря на частые бомбежки, работали заводы, выполняли свои обязанности учреждения, трудились жители разрушенного Сталинграда. А мы готовили новое наступление.

В эти дни закончилось формирование 99-й танковой бригады. Группа генерал-майора Н. В. Фекленко получила задачу: основными силами 99-й танковой бригады и 32-го сводного отряда морской пехоты наступать вдоль берега Волги на Ерзовку, овладеть поселком Рынок и соединиться с наступающей с севера 64-й стрелковой дивизией. Мной было принято решение начать наступление одновременно с этой группой с задачей овладеть господствующими высотами 135.4 и 101.3 и как можно подальше отбросить противника от тракторного завода. Решение утвердил командующий фронтом на своем КП, куда я прибыл во второй половине дня.

Наступление было назначено на утро 29 августа. Оно осуществлялось силами 282-го стрелкового полка и сводного истребительного батальона в составе 110 человек. Поддерживали: танковая рота (12 танков Т-34), артиллерийский дивизион и 1186-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап). Левее, на поселок Орловка, наступал 249-й конвойный полк НКВД с целью улучшить свои позиции.

По пути в полк я заехал на командный пункт дивизии за шинелью. Ночи уже были прохладные, а мне после перенесенного приступа малярии с вечера и до утра предстояло находиться в окопах. На тропу, ведущую к штабным землянкам, навстречу вышел оперативный дежурный с рапортом. Он доложил последние сведения, поступившие из частей, и о том, что за время его дежурства в штабе происшествий не случилось. И действительно: стояла предвечерняя тишина, вокруг царил покой. Уставшее за день солнце медленно катилось к горизонту. Его нежаркие лучи щедро окрасили развалины домов в ярко-оранжевые тона, словно пытаясь припрятать следы фашистского варварства. Но черные клубы дыма напоминали о недавней бомбежке города. Что-то горело в кварталах по обе стороны реки Царицы. Дым лениво полз в Заволжье, тяжелыми хвостами вис над водой. И от этого тишина казалась томительной. Невольно думалось, что наконец-то в израненный город пришла передышка. Однако так длилось недолго. Внезапный рев моторов разорвал устоявшуюся тишину, вернул к действительности.

Мы увидели то, что явилось источником грохота. Со стороны Гумрака летели два наших бомбардировщика. Вероятно, возвращались с задания. За «петляковыми» на бешеной скорости неслись «мессершмитты». Они, словно осы, вились в воздухе, пытаясь взять свою жертву в клещи. Вот-вот нагонят. Казалось, еще мгновение, и наступит трагическая развязка. Однако обернулось по-иному. Из облаков дыма внезапно вынырнули наши истребители. В хвост головного «мессера» сразу пристроился ЯК, за ним оказался фашистский Ме-109, потом снова краснозвездный ЯК...

«Петляковы» оторвались от преследователей и на бредущем ушли в сторону Ленинска, а над городом заплясала смертная карусель. До десятка наших и вражеских самолетов кружило несколько минут, стояла непрерывная пальба и надсадный рев моторов. Вот из «карусели» вывалился Ме-109, задымил и штопором понесся к земле. На песчаной косе сверкнуло пламя, а вверх взметнулось черное облако. Есть один! Тут же задымил и второй «мессер». И карусель рассыпалась...

Утро серое, пасмурное, солнце как будто и не всходило вовсе. Чувствовалось приближение осени. Небо покрыто густыми низкими облаками. Всю ночь моросил дождь. Он прибил пыль, дочиста вымыл воздух и перекрасил местность. Теперь все казалось совсем иным. Было безветренно. Справа, над Волгой, жирным мазком расплылась черная пелена дыма. В городе по-прежнему горели здания. Стояла томительная тишина. Лишь изредка, где-то у поселка Рынок, как испуганный, протарахтит пулемет да глухо ухнет мина. И снова тишина. Неужели гитлеровцы не догадываются о нашем наступлении?

В 7 часов 30 минут немую тишину, настоящую на сыром воздухе, разорвали оружейные выстрелы. Артиллерия и танки открыли огонь по выявленным целям противника. Над вражескими окопами взметнулись разрывы, и вскоре высоту 135.4 заволочило дымом. Через полчаса из укрытий выползли тридцатьчетверки. Стреляя на ходу, они двинулись к высоте. Из

окопов дружно выплеснулись подразделения полка и сводного истребительного батальона. Красноармейцы и рабочие пошли в наступление.

282-й стрелковый полк наступал в одном эшелоне, имея три батальона в линию и роту автоматчиков в резерве. Продвигались быстро. Гитлеровцы, подавленные и растерянные, молчали. Но вот со стороны высоты подал голос МГ, а затем еще и еще. Уцелевшие огневые точки врага ожили, заговорили. Отозвались минометы и артиллерийские батареи.

Непосредственно в рядах наступающих шел военный комиссар полка батальонный комиссар Афанасий Михайлович Карпов. Коренастый, медлительный в разговоре, суровый на вид, но редкой доброты человек, отзывчивый к товарищам по работе и подчиненным, он имел скрытый под внешней выдержкой и спокойствием взрывной силы характер, обладал редкой способностью полной самоотдачи при сложных обстоятельствах. С немецкими захватчиками Карпов встретился еще на западной границе, где был комиссаром пограничного отряда. Вместе с отрядом, всегда среди бойцов, он умело громил врага, испытал горечь отступления. И теперь вот здесь, у стен Сталинграда, комиссар вел бойцов вперед.

А тем временем огонь противника крепчал. Особенно опасным он был для левофлангового батальона. Со стороны желтого склона высоты во фланг били два пулемета. Бойцы вначале заматались по полю, потом залегли. Губительный огонь прижал их к земле. А местность – ни кустика, ни канавки. Все как на ладони. Непременно гитлеровцы перестреляют как куропаток. Один за другим бойцы выходили из строя. Лежать вот так, в бездействии, равносильно гибели. Отставание же левофлангового батальона ставило под угрозу другие подразделения полка. В конечном итоге это могло привести к срыву выполнения всей задачи.

То, в каком тяжелейшем положении оказались воины 3-го стрелкового батальона, хорошо видел и понимал комиссар полка. На его глазах гибли люди, которых он все эти дни воодушевлял на подвиги. Два дня назад, когда готовилось первое наступление, А. М. Карпов обошел все окопы, чтобы лично побеседовать с бойцами и воочию убедиться, как агитаторы и политруки рот довели до воинов обращение городского комитета обороны к защитникам и населению Сталинграда. Сам он его знал наизусть. Обращение призывало: «Дорогие товарищи! Родные сталинградцы! Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке Волге... Не отдадим родного города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью... Бойцы Красной Армии! Защитники Сталинграда! Сделаем все, чтобы отстоять город. Ни шагу назад! Бейте беспощадно врага!»

И еще припомнилось А. М. Карпову одно из требований Положения о военных комиссарах: «В наиболее серьезные моменты боя военный комиссар обязан личным примером храбрости и отваги поднять боевой дух войсковой части и добиться безусловного выполнения боевого приказа». Его он тоже знал от точки до точки. Но что можно сделать вот в этой обстановке? Как спасти людей и в то же время выполнить боевую задачу?

А фашистские пулеметы продолжали стрелять. Их осатанелый клекот больно отзывался в сердце комиссара. Во что бы то ни стало надо оборвать его. Но чем заставить замолчать пулеметы, прикрытые с фронта складкой местности и потому невидимые артиллерийским наблюдателям?

Оценив обстановку, комиссар А. М. Карпов решил вывести воинов из зоны губительного огня, чего бы это ни стоило. Но как это сделать? Сам он находился в центре боевого порядка полка. Попасть на левый фланг по открытой местности почти невозможно. Убьют. «А что, если...» – вдруг созрел план, и тут же к отрогу балки уполз связной. С завода туда направляют

Военком 282-го полка батальонный комиссар А. М. Карпов. 1942 г.

отремонтированные танки. Вскоре оттуда подошла тридцатьчетверка. Ее привел рабочий. Комиссар занял место командира, и боевая машина устремилась к левому флангу. По пути в танк сел командир 3-го батальона старший лейтенант Мороз. Вскоре стальные гусеницы с хрустом вминали в землю пулеметные гнезда противника. Вслед за Т-34 устремилась 7-я рота. В атаку поднялись и другие подразделения. Тем временем наводчик вражеского противотанкового орудия наш танк взял в перекрестье прицела. Два прямых попадания оказались роковыми. Машина вспыхнула, как факел. Все это видел начальник штаба полка капитан Н. П. Белов. Впоследствии в журнале боевых действий дивизии операторы запишут:

«29.8.42 г. 282-й сп во взаимодействии с 249-м полком имеет задачу уничтожить противника на высотах 101.3 и 135.4. С утра после 30-минутной артподготовки полк перешел в решительное наступление... В этом бою за социалистическую Родину с немецкими захватчиками погибли военный комиссар полка батальонный комиссар тов. Карпов и командир 3-го сб старший лейтенант тов. Мороз...»

В семье военного комиссара 282-го стрелкового полка А. М. Карпова сохранилось его последнее письмо, адресованное сыну. Вот что писал отец перед тем, как совершить подвиг:

«Привет тебе, дорогой сын Лень! Я очень благодарю, что ты прислал мне свои отметки за год. Как видно, год упорной учебы у тебя не пропал даром. Ну и молодец. Я ведь знаю, что ты парень способный... А сейчас я тебе желаю по-ударному поработать. Я тоже начал работать с 8 лет. Пас скот, а зимой в работниках... Пойми, труд – основа жизни. Без труда не может быть полноценного человека. А потом, осенью, с новыми силами взяться за учебу и учиться только на «отлично». Этого от вас требует Родина. За меня не беспокойся. Ваш отец никогда не подведет. Свой долг перед Родиной выполню с честью. Все, пиши чаще. Целую, твой отец А. Карпов».

Батальонный комиссар Афанасий Михайлович Карпов ценой собственной жизни спас положение и обеспечил выполнение задачи. Родина по достоинству оценила этот подвиг. Военком полка А. М. Карпов посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Рота лейтенанта Антонова достигла окопов противника Слева огрызнулся пулемет. Упал командир. Его заменил политрук Н. А. Грязев. С возгласом: «За родную Отчизну! Отомстим за командира!» – он повел роту на штурм укреплений врага.

Воодушевленные подвигом коммунистов, бойцы ворвались в расположение врага. Завязалась рукопашная схватка. Потом последовала контратака гитлеровцев из глубины обороны. Пехоту поддержали танки и бронетранспортеры. Они лавиной надвигались на подразделения. Но воины не дрогнули. В упорном и трудном бою героически сражались бойцы 282-го стрелкового полка. Отражая яростные контратаки противника, шаг за шагом они продвигались вперед. Заместитель командира отделения ефрейтор С. К. Ахмедов огнем станкового пулемета отразил две контратаки гитлеровцев силою до роты. Сам был тяжело ранен, но в течение 8 часов продолжал сражаться с врагом. И только по приказу командира роты был вынесен с поля боя. За этот подвиг он награжден медалью «За отвагу». Младший политрук Г. А. Афанасьев и красноармеец Дьяченко далеко вырвались вперед.

Гитлеровцы несколько раз бросались на смельчаков. И все безуспешно. Автоматным огнем и противотанковыми гранатами двое воинов отразили до роты противника, уничтожив около 40 вражеских солдат. Ефрейтор Г. Г. Сергеичев пропустил через свой окоп вражеский танк и поджег его бутылкой с горючей смесью...

К исходу дня полк достиг рубежа: дорога между Спартановкой и высотой 135.4 – южная часть аэродрома, где и закрепился. 99-я танковая бригада и 32-й сводный отряд моряков вновь овладели поселком Рынок. Добился успеха и ранее участвовавший в героической обороне Одессы 249-й конвойный полк НКВД. Он значительно продвинулся вперед и улучшил свои позиции. Это позволило ему впоследствии овладеть Орловкой.

В тот же день меня срочно вызвали в управление тракторного завода к телефону. Говорил порученец командующего фронтом майор Пархоменко. Он сообщил, что генерал-полковник Еременко давно ищет меня, ругается. И тут же дословно воспроизвел, как ругается Андрей Иванович: «Куда этот чертов полковник опять девался? Найдите его, он мне нужен».

С командующим соединили быстро. Я доложил о результатах наступления. Выслушав доклад, А. И. Еременко сказал:

– С задачей на северном участке вы справились хорошо. Порядок навели. Завтра к вам придет командир 124-й стрелковой бригады полковник Горохов. Ознакомьте его с обстановкой и передайте ему северный участок обороны. Сами возвращайтесь сюда. Назревает угроза центру города.

Ночью мы занимались приведением в порядок подразделений и производили оборонительные работы на отвоеванном рубеже. А утром я встретился с полковником Гороховым. Он сразу произвел на меня хорошее впечатление. Рослый, крепкого телосложения человек с глубоко сидящими глазами, быстрый в решениях и действиях.

В нем чувствовался знающий и волевой командир. Обрисовав обстановку на северном участке обороны города и показав боевые порядки частей и подразделений, я передал ему участок и переподчинил в оперативном отношении свой 282-й полк и сводный отряд Волжской военной флотилии.

На северном участке обороны Сталинграда произошла перегруппировка наших сил: рабочие отряды вывели во второй эшелон, 99-ю танковую бригаду поставили в боевые порядки 124-й стрелковой бригады и 282-го полка. Моим решением полку была возвращена из резерва дивизии его 8-я рота и переподчинена рота 91-го железнодорожного полка. Военный совет фронта назначил Полковника Горохова начальником северного участка обороны города.

282-й стрелковый полк продолжал бои по овладению высотами 101.3 и 135.4. Особенно напряженным и решительным был бой 31 августа. Его тщательно готовили Накануне с начальствующим составом проиграли бои на местности, уточнили задачи и последовательность их выполнения по рубежам и времени. В подразделениях состоялись собрания личного состава с подробным анализом минувших боев и показом героических подвигов бойцов полка. Отдельно были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых коммунисты и комсомольцы поклялись быть в авангарде своих подразделений.

Наступление утром 31 августа началось 30-минутной артподготовкой. Но поскольку противник имел на высоте 135.4 дзоты и разветвленную сеть окопов с ходами сообщения, то естественно, всей системы огня немцев наша артиллерия подавить не смогла. Гитлеровцы встретили наступающие подразделения огнем крупнокалиберных пулеметов и минометных батарей. Но в атакующем порыве, презирая смерть, бойцы продвигались вперед. Коммунисты и комсомольцы подавали пример отваги, заражая наступательным духом личный состав подразделений.

Первой достигла высоты 2-я рота лейтенанта Шкурихина. Бойцы ворвались в траншею противника. Но гитлеровцы упорно сопротивлялись. В ожесточенной схватке наши воины буквально выковыривали их штыками, глушили прикладами, уничтожали гранатами, отвоевывая окоп за окопом. Второй эшелон тут же закреплял успех атакующих подразделений.

Крайнего ожесточения достигла схватка у позиций минометной батареи, которая до последнего момента вела огонь по нашим боевым порядкам. Огневою позицию немцы отстаивали особенно упорно. Успех боя здесь решила смелость и находчивость красноармейца Стародубова. Ворвавшись в расположение батареи, он гранатами уничтожил расчеты. Остальных гитлеровцев прикончили другие бойцы. Высота 135.4 была взята.

Разъяренный неудачей, враг обрушил на роту лейтенанта Шкурихина сотни снарядов и мин. В течение часа высоту бомбили бомбардировщики. Но личный состав роты не дрогнул. Отразив контратаки немцев, рота удержала высоту до подхода второго эшелона. Бойцы второго эшелона батальона наскоро укрепили захваченные оборонительные сооружения противника, обратив их против бывших хозяев. Резерв полка - рота автоматчиков - развернулась фронтом в сторону роцци на северных скатах высоты. Вскоре противник вновь перешел в контратаку, однако успеха не имел, и полк в течение ночи на 1 сентября прочно закрепил за собой высоту.

В итоге наступательных действий наших войск противник на всем фронте северного участка был отброшен на 3-4 километра от окраин Сталинграда. Работе заводов теперь не

угрожал корректируемый огонь артиллерии и минометов врага. Таким образом, поставленная перед нами задача была выполнена.

Так закончились августовские бои на северном участке обороны Сталинграда. Малыми силами в большинстве необстрелянных воинов 282-го полка 10-й дивизии войск НКВД, сводного отряда морской пехоты, двух отдельных учебных танковых батальонов и отрядов народного ополчения мы не только не допустили прорыва ударной немецкой группировки к тракторному заводу, но и нанесли противнику тяжелые потери, отбросили его на некоторое расстояние назад.

Естественно, успехи здесь были бы меньше, а положение тяжелее, если бы не непрерывное давление войск Сталинградского фронта на соединения 14-го танкового корпуса гитлеровцев, прорвавшихся к Волге и северной окраине города.

«...Русские без передышки атаковали 8-й армейский корпус. Большие потери были понесены в боях южнее Котлубани. 51-й армейский корпус также доносил о возрастающих потерях. Он должен был прикрывать правый фланг 14-го танкового корпуса, атаковать Сталинград в направлении Россошка, Гумрак. Корпус медленно продвигался вперед. Контратаки Красной Армии со стороны долины реки Россошки заставили корпус на много дней перейти к обороне».

Такую характеристику положения немецких войск в последние дни августа на фронте под Сталинградом дает в своих воспоминаниях бывший первый адъютант 6-й армии полковник В. Адам.

Бои в районе тракторного завода сорвали намерение командования 6-й армии Паулюса пробиться по берегу Волги навстречу 4-й танковой армии Гота для окружения войск Красной Армии западнее Сталинграда. Эти бои еще раз наглядно показали единство нашего народа и армии. В трудный час вместе с воинами на защиту родного города выступили рабочие заводов. Стало очевидным, что воинские части и рабочие формирования, воспитанные в духе стойкости и беззаветной верности своему народу, могут в обороне не только успешно противостоят превосходящим силам противника, но и нанести ему большой урон.

Здесь, как в зеркале, отразилось превосходство нашего солдата и всего советского народа, воспитанных Коммунистической партией, над гитлеровскими войсками, имевшими большой боевой опыт и численное превосходство в живой силе и технике, но не объединенных прогрессивной передовой политической идеологией. Одни в трудных условиях ожесточенных боев закалялись и утверждались в сознании своей великой правоты, в неудержимой устремленности к победе, вторые теряли инициативу и присущее им нахальство, порожденное порочными идеологическими взглядами и устремлениями. Очень точно характеризует эти особенности сражающихся армии в своих воспоминаниях бывший полковник гитлеровской армии В. Адам. Он пишет:

«Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным нам показалось донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса. Пока его корпус был вынужден драться в окружении, оттуда поступали скудные сведения. Теперь же генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонных сооружений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в руках винтовку или пистолет. Мертвецы в спецодежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели.⁵

⁵ Самсонов А.М. «Сталинградская битва», М, «Наука», 1968, с. 142